

ИСТОРИЯ

*Виктор Владимирович ПУЗАНОВ —
зав. кафедрой дореволюционной отечественной
истории Удмуртского государственного
университета (г. Ижевск),
кандидат исторических наук*

УДК 940.47

«КИЕВСКОЕ ПИСЬМО» КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются возможности «Киевского письма» как источника по правовой и социальной истории Древней Руси.

The author analyses potentialities of using the «Kiev Letter» as a source to study legal history and social and economic development of Medieval Russia.

«Киевское письмо» (далее — «письмо») введено в научный оборот в 1960-е гг. Н. Голбом и О. Прицаком. Перед нами рекомендательное письмо, выданное Мар Яакову Бен Р. иудейской общиной Киева, для предъявления в других единовременных общинах. Из документа явствует, что Яаков «был тем, кто дает, а не тем кто берет, до того времени, пока ему не была предрешена жестокая судьба»: он выступил поручителем за брата, взявшего «деньги у иноверцев». Брата (когда он «шел по дороге») ограбили и убили разбойники. «Тогда пришли кредиторы (и в)зяли» поручителя, наложив «железные цепи на его шею и кандалы на его ноги». В таком состоянии Яаков провел «целый год», пока киевские единоверцы не поручились за него и не заплатили 60 монет. Оставшиеся 40 монет они его отправили собирать по «святым общинам», сопроводив вышеозначенным письмом [1].

Если датировка издателей верна, то это древнейший аутентичный документ, вышедший с территории Древней Руси [2]. В историографии за ним незаслуженно закрепилась слава источника малоинформативного. Это объясняется тем, что информативные возможности документа используются однобоко, под углом зрения русо-хазаро-славянских отношений X в. [3]. Однако «письмо» содержит уникальные сведения, углубляющие наши представления о социально-экономическом и правовом развитии Древней Руси.

Яков оказался в заточении вследствие задолженности (как поручитель погибшего должника). Он не являлся неимущим («был тем, кто дает»), в противном случае вряд ли бы смог выступить в роли поручителя за брата. Однако 60 монет (видимо, арабских дирхемов [4]) за его освобождение внесли единоверцы, а оставшиеся 40 он отправился добирать по «святым общинам». Судя по всему, имущество Якова было конфисковано в пользу заимодавцев. Изъятые не погасили долга, вследствие чего на поручителя наложили оковы. Перед нами разновидность долгового рабства. В отсутствие должника рабом становился поручитель. Якова освободили под поручительство киевской иудейской общины после того, как она внесла за него залог, с условием, что он потом внесет остаток. Заимодавцы ничего не теряли, так как, в случае чего, оставшуюся сумму могли востребовать с поручителей. Указанные 100 дирхемов (60 + 40) — сумма выкупа на свободу. Показательно, что стоимость раба в IX-XI вв. на Севере Европы составляла около 100 дирхемов [5]. По договору 911 г. Олега с Византией, проданный в рабство пленник выкупался либо по цене продажи, либо по рыночной цене раба («и возмуть цену его купящии, или мнеться в куплю над нь челядиннаа цена»). Согласно Абу Хамиду ал-Гарнати, побывавшему на Руси в 1150 и 1153 гг., проданный за долги в рабство находится в таком состоянии «пока не умрет или не отдаст то, что заплатили за него» [6]. Поскольку Яков не был продан, а содержался у кредиторов в оковах, за него была взята обычная «челядиннаа цена».

Свидетельства «письма» согласуются с более поздними источниками и в том, что несостоятельность должника вела к рабству. Помимо упомянутого известия Абу Хаида ал-Гарнати, в нашем распоряжении имеется «Слово о законе и благодати» Илариона (написанное между 1037 и 1050 гг. [7]), наиболее близкое по времени к «письму». Повествуя о крещении Владимира, Иларион пишет, что князь повелел «всемъ быти христианомъ малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, бояромъ и простымъ, богатымъ и убогимъ». Автор прославляет щедрость князя: «Къ сему же кто исповестъ многыя твоя ношныя милостыня и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сирымъ, къ болящимъ, къ дължнымъ, къ вдовамъ и къ всемъ требующимъ милости?... Просящимъ подаваа, нагыя одеваа, жадныя и алчныя насыщаа, болящимъ всяко утешение посылаа, должныя искупая, работнымъ свободу дая» [8]. Владимир, под пером Илариона, предстает не только в роли идеального правителя, но и, прежде всего, в качестве добродетельного христианина, для которого выкупить на свободу раба — дело богоугодное [9]. Автор делает социальный срез «с натуры», с современного ему общества, деля его на рабов и свободных. Среди последних уже немало обездоленных: убогих, сирот, вдов. Должники занимают промежуточное положение между ними и рабами. Они еще не рабы, но от рабства их может спасти только выкуп. Многие могут надеяться лишь на милость князя. Вместе с тем, вряд ли Иларион погрешил против истины, перенося социальную картину Руси времен Ярослава Мудрого на эпоху Владимира. Возможно, схожая ситуация в отношении должников имела место и в первой половине X в., если принять предложенную издателями датировку «письма». Различия — в масштабах явления, определявшихся степенью деструкции родоплеменных связей и прочности родственных уз.

Брат Якова, согласно «письму», пострадал по не зависящим от него причинам. Тем не менее, поручителя привлекли к ответственности. Согласно же ст. 54 ПП, купец, утративший чужие «куны» по не зависящим от него обстоятельствам (кораблекрушение, война, пожар), не продается, но выплачивает потерянное частями, «зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть». Произвол со стороны кредиторов в отношении Якова исключен. Иудейская община не преминула бы поведать об этом единоверцам. Можно допустить, что в ту бурную и опасную

эпоху, когда коммерческие предприятия были сопряжены с большим риском, деньги, тем более иноплеменникам, давали в долг под поручительство, и поручитель принимал на себя все обязательства по риску.

Возможно и другое объяснение, устраняющее противоречие с Русской Правдой. Нам неизвестно, подходили ли разбой и грабеж под форс-мажорные обстоятельства в древнерусской правовой традиции. Ст. 54 ПП отмечает только кораблекрушение, войну и пожар. Первые указания на грабеж, как, в известной мере, смягчающее обстоятельство при утрате чужого имущества, содержатся в ст. 17 Псковской Судной грамоты (далее — ПСГ). Однако ст. 55 Судебника 1497 г. в отношении форс-мажора фактически повторяет ст. 54 ПП. Только ст. 90 Судебника 1550 г., в числе смягчающих обстоятельств, упоминает и разбой: «А который купец, идучи на торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утирается безхитростно тот товар, истонет, или згорит, или рать или розбой возмет, и боярин, обыскав, тому велит дати цареву и великаго князя полетную грамоту с великаго князя печатью: посмотри по животом, платится исцом в истину без росту». Появление такого дополнения в Судебнике 1550 г. можно объяснить как резким усилением преступности [10] и ужесточением ответных мер со стороны правительства, так и проведением губной реформы, позволившей более эффективно бороться с преступностью и четче фиксировать правонарушения. Допустимо предположение, что в древности утрата чужого товара вследствие разбойного нападения рассматривалась как неосторожность со стороны пострадавшего, который должен был сам позаботиться о безопасности. В условиях неразвитости правовых структур отнесение разбоя к форс-мажорным обстоятельствам могло вести к злоупотреблениям со стороны недобросовестных держателей чужого имущества. Впрочем, отсутствие в законодательных актах указаний на разбой не свидетельствует о том, что в правовой практике он не рассматривался в качестве форс-мажора [11]. Кроме того, следовало, видимо, еще доказать, что занятые братом Якова деньги действительно отобраны разбойниками, а сам он погиб. Судебники 1497 (ст. 55) и 1550 (ст. 90) гг. предусматривали соответствующий сыск. Наконец, не ясно, распространялось ли смягчающее действие форс-мажорных обстоятельств на поручителя погибшего должника, тем более, если несчастье произошло в дальних краях.

Из «письма», косвенно подтверждаемого данными Илариона, явствует, что должники некоторое время содержались под арестом в оковах. Годичное заточение Якова можно трактовать по-разному. Вероятно, должников содержали в железе до продажи в рабство. Продажа могла быть отсрочена, если имелась возможность более выгодного выкупа должника. Это предположение не противоречит ст. 54-55 ПП [12]. Имело место, как следует из «письма», и освобождение под поручительство с внесением части суммы в виде своеобразного залога.

О содержании должников под стражей в оковах и об ответственности поручителей свидетельствуют берестяные грамоты (далее — БГ) XII-начала XIII в. БГ № 235 обнаружена в слое второй трети XII в. Ее прочтение и перевод неоднократно уточнялись. Последний вариант предложен А. А. Зализняком: «От Судиши к Нажиру. Вот Жадко послал двух судебных исполнителей, и они ограбили меня за братний долг. А я не поручитель перед Жадком. Запрети же ему, пусть не посылает на меня стражу...» [14]. Таким образом, у Судиши незаконно, в счет братнего долга, конфисковали имущество, которого, видимо, не хватило для покрытия иска. Поэтому Судиша опасается ареста.

О поручительстве и об ответственности поручителя идет речь и в БГ № 531 (конец XII — первая пол. XIII в.). Из нее же явствует, что поручительство оформлялось при свидетелях. Публично же, при свидетелях, под залог, давались деньги в долг [15].

В грамоте № 725 [16] Ремша обращается к Климьяте и Павлу с просьбой сообщить архиепископу о том, что его заковали в железо, причем незаконно, т. к. он обидчику ничего не должен.

Следует обратить внимание на дополнительную ст. ПП «О ковании мужем». По мнению М. Н. Тихомирова, она возникла не ранее XIV в. Я. Н. Щапов, ссылаясь на ст. 4 Договора Смоленска с Ригию и Готским берегом 1229 г. (далее — ДСРГБ), считал, что ее можно отнести «по крайней мере к XIII в.» [17]. Не касаясь вопроса о времени появления указанной ст. ПП, отметим, что свидетельства «письма» и БГ позволяют отнести начало правовой практики наложения оков к гораздо более раннему времени.

Порука — тягостный для поручителей институт. В сочетании с произволом кредиторов (характерно, что во всех трех рассмотренных грамотах их отправители жалуются на таковой), порука, видимо, провоцировала серьезную социальную напряженность, нараставшую по мере прогрессирующего распада больших семей. Не это ли обстоятельство со временем побудило составителей ПСГ ограничить поручительство суммой, не превышающей 1 руб. (ст. 33) [18]?

Таким образом, если «письмо» составлено в X в., то оно содержит первые упоминания о долговом рабстве на Руси, поручительстве, процедуре ареста должников, освобождении под поручительство с залогом (выступавшим в качестве своеобразного задатка в счет выкупа). При этом залог как способ имущественного обеспечения обязательства и поручительство, обеспечивавшее выполнение обязательства личностью и имуществом поручителя, фактически совпадали. Об этом же свидетельствует БГ № 235 XII в.

Вместе с тем, если поручитель расплачивался с кредитором за должника, то сам приобретал права кредитора. В этой связи интересна БГ № 510 (конец XII — первая половина XIII в.) [19], которая показывает ответственность недобросовестного должника перед поручителем и отражает ситуацию, когда исполнение договора займа одновременно обеспечивается залогом и поручительством. Домажир заключил с Вячеславом договор займа под залог своего села и еще какого-то имущества. Село, судя по всему, осталось в распоряжении Домажира, что требовало поручителя, который своим имуществом гарантировал бы сохранность села и его передачу, в случае неуплаты долга, Вячеславу. Поручителем выступил Кузьма. Домажир бежал, не выкупив заложенного имущества, а его сын, с неким Сдылой, продали село. Кузьма как поручитель возместил убытки Вячеславу своим имуществом и предъявил иск Сдыле и Домажировичу. Грамота интересна и тем, что в ней, наряду с БГ № 531, содержится первое четкое указание на разведение собственно залога и поручительства.

Данная практика распространялась на межобщинные и межгосударственные отношения. Так, из Грамоты Пскова Риге начала XIV в. следует, что пскович Иван Голова поручился за рижанина Нездильца, торговавшего в Пскове и недоплатившего некоему Куморде более 20 гривен серебра. Введя Ивана в поруку, должник уклонился от уплаты долга. Иван отправился в Ригу в поисках Нездильца, а псковичи послали рижанам грамоту, с требованием выдачи одного поручителю. В противном случае они грозили взыскать долг на ком-нибудь из рижских купцов, торгующих в Пскове [20]. Вероятно, речь шла о том, чтобы добиться, в случае отказа Нездильца «платить по векселям», выдачи несостоятельного должника «головой» Ивану. При неисполнении этих требований, по древнерусской традиции, наступала коллективная ответственность со стороны рижской общины: долг взыскивался на ком-нибудь из рижан, а тот уже должен был искать свои деньги у Нездильца.

О распространенности практики выдачи головой злостного должника в отношениях русских земель с Ригой и Готским берегом свидетельствует ст. 14

первой редакции ДСРГБ 1229 г. и ст. 13 Соглашения Смоленска с Ригою и Готским берегом 1230-1270 гг. Правда, ст. 14 второй редакции ДСРГБ, в отличие от первой, предусматривала в аналогичном случае выставление поручителя. Из нее же следует, что в случае противодействия со стороны местной общины осуществлению имущественных прав иноземца, она выплачивала долг за своего сообщинника. Ст. 13 Соглашения предусматривала перекладывание долга на того, кто «изотьметь дължбита» у смольнянина в Риге или на Готском берегу, или у немца в Смоленске.

О практике взыскания долга с сообщинников должника свидетельствуют и другие документы. В Договорной грамоте конца XII в. Новгорода с Готским берегом запрещается насильственное задержание немца в Новгородской земле, новгородца «в Немцехъ», даже если судебное дело не закончено. Разбирательство отодвигалось на год, до возвращения купца. В случае неисполнения тяжбы предусматривалась процедура взыскания с «гостя» [21]. Договорная грамота запрещала сажать должника в погреб (новгородца «в Немцхъ», а немца в Новгороде), но разрешала «емати свое у виновата» [22]. В случае отказа от погашения долга, он, видимо, и в этом случае взыскивался с «гостя».

То, что эта практика идет с более ранних времен, подтверждают БГ. В качестве объекта для возмещения ущерба старались подобрать наиболее именитого купца из города ответчика. Показательна БГ № 246 XI века. Некто Жировит, проживающий предположительно в Смоленске, Витебске или Полоцке [23]), пишет в Новгород Стояну, требуя вернуть долг, грозясь, в случае дальнейшей задержки, за его вину «конфисковать товар у знатнейшего новгородца» [24]. При этом каждая русская земля-волость несла ответственность только за своих граждан. Не случайно новгородцы в договоре конца XII в. с Готским берегом оговаривали: «... Оже тяжа родить в ыное земли в русских городехъ, то у техъ свое тяже прашати, искати Новугороду не надобе, а тяжа на города...» [25].

Практика коллективной ответственности восходит к древнейшим временам. На уровне межволостных (межгосударственных) отношений, она, видимо, рассматривалась как своеобразная коллективная принудительная порука, долженствующая обеспечить имущественные права сограждан в условиях слабой развитости правовых институтов. Характерно, что дошедшие международные соглашения предусматривали личную ответственность правонарушителя в случаях с разбоем и убийством [26]. На практике, однако, и при указанных обстоятельствах, в случае неудовлетворения пострадавшим иска, обычной была коллективная ответственность [27].

Понятно, что в случае с Иосифом ситуация обстояла несколько иначе. Тем не менее, с учетом вышесказанного, уместно предположить, что при отсутствии Иосифа в Киеве, кредиторы могли взыскать долг с иудейской общины. Характерна и такая деталь. Ст. 4 ДСРГБ 1229 г. запрещает заключение в железо провинившегося иностранного гостя в том случае, когда за него находился поручитель [28]. Несомненно, что эти нормы действовали и в отношении русских, как на межволостном уровне, так и в рамках одной земли-волости. Двинская уставная грамота конца XIV в. (ст. 8) предписывала заковывание обвиняемого в железо только в случае отсутствия поручителя. Но уже КП (ст. 14) знает поручительство как способ обеспечения явки в суд. Конечно, опасно переносить реалии первой половины XIII в. на эпоху составления «письма». Однако нормы ДСРГБ не противоречат реалиям, описанным в «письме» [29]. Якова, как поручителя по долгам брата, заковали потому, что за него самого не нашлось поручителей. После того же, когда иудейская община поручилась за него и внесла частичный выкуп (который, с точки зрения кредиторов, можно трактовать в качестве залога), его освободили.

Итак, позволим усомниться в соответствии истине мнения о малой информативности «письма», в том, что оно «не содержит таких уникальных сведений об

истории Восточной Европы, которые читаются в т. н. еврейско-хазарской переписке» [30]. Сведения эти не только уникальны, но и, в отличие от вышеназванной переписки, конкретны и достаточно объективны.

Уникальность «письма» даже не столько в его древности, сколько в содержащейся в нем информации, единственной такого рода для Древней Руси. В отличие от других упоминавшихся источников, в «письме» дано не частичное, а практически полное описание юридического казуса, связанного с поручкой и ответственностью поручителя. Более того — описан случай двойного поручительства (Якова за брата, общины за Якова) и выкупа поручителя поручителями со своеобразным залогом.

Сомнения относительно подлинности рассматриваемого документа безосновательны. «Письмо», в отличие от еврейско-хазарской переписки и Кембриджского документа, не несет в себе выраженного политико-идеологического заряда. В нем описывается заурядная частноправовая сделка, которая, в силу драматического и, в то же время, достаточно типичного развития событий, потребовала вмешательства киевской иудейской общины. В данной связи оно сродни БГ № 725. Только отправитель последней апеллировал за помощью к архиепископу, а составители письма — к единоверцам из других общин. Это дошедшие до нас осколки простых житейских трагедий, которые теряются под пером летописца или законодателя. Тем они и ценны для историка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 18-29, 30-31.
2. Н. Голб датирует документ первой третью X в. (Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 36, 96 и др.). Однако, на наш взгляд, предпочтительнее вести речь о X-начале XI в.
3. См.: Пузанов В. В. «Киевское письмо» как источник эпохи становления древнерусской государственности // Российская государственность: История и современность. СПб., 2003. С. 6-14.
4. См.: Пузанов В. В. Образование Древнерусского государства: межэтнический симбиоз и иерархия территорий // Долгов В. В., Котляров Д. А., Кривошеев Ю. В., Пузанов В. В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 122.
5. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 145, табл. 8.
6. Повесть временных лет. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 19; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). М., 1971. С. 36-37.
7. О датировке см.: Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Иллариона. Киев, 1984. С. 5, 70, прим. 8.
8. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI-XII вв. СПб., 2000. С. 48.
9. На вопрошание Кирика, «аже поустити свободна» наложницу, владыка ответил: «Сде обычай несть таковъ; а лепше иного человека въскоупити» (Се есть въпрашание Кюриково, еже въпраша епископа ноугородьского Нифонта и инехъ // Русская историческая библиотека. СПб., 1906. Т. 6. Стб. 42:70.
10. В первой половине XVI в. она приобретает массовый характер. См.: Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. М., 1995. С. 63-66, 148 и др.
11. Например, заклад и поручительство действовали задолго до законодательного оформления.
12. См.: Пузанов В. В. Институт рабства у антов, склавинов и восточных славян: традиции и новации // Вестник Удмуртского университета. 2003. Серия «История». С. 35-36.
14. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М., 2004. С. 374-375.
15. Там же. С. 416-417.

16. «Стратиграфическая дата: 80-е гг. XII — первая половина XIII в. (предпочт. 80-е гг. XII в. — начало 1210-х гг)». См.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990-1996 гг.). М., 2000. С. 26.
17. Российское законодательство X-XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 127.
18. Псковская судная грамота предписывала, с одной стороны, давать в долг более 1 рубля только с залогом или под запись (ст. 30), а с другой — допускала поручительство на сумму, не более 1 руб. (ст. 33). См.: Пузанов В. В. Институт рабства... С. 41-42, прим. 91.
19. Зализняк А. А. Указ. соч. С. 470.
20. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). № 332.
21. Там же. № 28.
22. Там же. ДСРГБ 1229 г. предусматривал возможность заковывания иностранного купца в железо только в том случае, если за него не находилось поручителя.
23. Зализняк А. А. Указ. соч. С. 280.
24. Там же.
25. ГВНП. № 28.
26. Там же. № 40, 42.
27. Там же. № 43, 47.
28. Ср. с договорной грамотой Новгорода с Готским берегом.
29. В ДСРГБ 1229 г. не оговаривается, в чем вина. Однако ясно, что в чем бы она не заключалась, поручитель нес личную и материальную ответственность за неявку обвиняемого в суд. В этом плане она может трактоваться более широко, чем ст. 14 КП, в которой речь идет о поручительстве в отношении человека, купившего по неведению украденную вещь.
30. Петрухин В. Я. Послесловие // Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 194 и др.

*Наталья Геннадьевна СУВОРОВА —
доцент кафедры дореволюционной
отечественной истории и документоведения
Омского государственного университета
им. Ф. М. Достоевского,
кандидат исторических наук*

УДК (940/47)+950/571.)

ВОЛОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ РУССКОГО И ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка определить параметры «русской» модели волости Сибири и проследить ее влияние на инородческую волость. Охарактеризованы различные административные практики, используемые местными властями в целях интеграции и унификации сельского населения Сибири в единое административно-правовое пространство Российской империи.

The author attempts to outline the parameters of Russian model of Siberian «volost'», a small rural district and surveys its influence upon small districts inhabited by non-Russians. Different administrative practices imposed by local governors upon common people in order to integrate rural population of Siberia into Russian Empire are characterized.

На протяжении XIX в. Российская империя продолжала строительство собственной территории преимущественно в Азиатском регионе. При этом территориальная экспансия сопровождалась приращением не только земель и подданных, но и новых смыслов этого расширения, переориентацией государственного этно-